

Евгений Замятин.

В начале декабря Евгений Замятин снова появился в Лозанне, в том самом университете, где восемь лет назад прошел первый международный замятинский симпозиум. О нем говорилось на очередной встрече из цикла «лозаннских дней», посвященных проблемам русской литературы XX века.

За эти годы взгляд на писателя не мог не измениться. В первой встрече участвовали в основном западные слависты. Замятин только-только стал печататься в СССР, академическое литературоведение едва начинало подступаться к его творчеству, — а публикаций, подготовленных его тайными любителями, было еще мало.

На Западе же он тогда был пусть не широко известен, но признан. Как заметил однажды Жак Като по поводу «Рассказа о самом главном», замятинская манера письма казалась геометрическим средоточием литературных тенденций эпохи. С другой стороны, без

знания романа «Мы» нельзя было обойтись тому, кто хотел понять суть советской системы.

Но недавно на одной из западных конференций я услышал о том, что Замятин интересный, но не очень интересный писатель. Как кажется, многие русисты стали разделять это мнение. Советской системы уже нет, направленная против тоталитаризма антиутопия вроде бы потеряла актуальность, и нынешнему духу деконструктивизма может претить рациональная выстроенность замятинских вещей.

Любопытно, что когда во Франции к Замятину пришел, наконец, если не читательский, то издательский успех (десяток полтора изданий за последние годы) — то пропал успех у исследователей. Для них Замятин как бы «банализировался».

За это время в России образовалась армия замятиноведов. Писателя издают, изучают. Он начинает трактоваться как классик. И вполне заслуженно.

Тут, однако, ему опять угрожает опасность, но с другой стороны. Качество и значение классика не подвергаются сомнению. Остается объяснять глубину его понимания мира и красоты стиля, а в архивных документах искать свидетельства величия души и героизма биографии.

Мне приходилось уже — на прошлогодних замятинских чтениях в Тамбове — цитировать слова Шкловского о Замятине, произведенном в мэтры: может произойти такое превращение писателя в классика, после которого о нем будут говорить, как институтки говорят о быке: «вот идет

говядина». То есть нечто большое, съедобное, но не живое и не оплодотворяющее.

Нынешняя лозаннская встреча увенчалась успехом, избежав и той, и другой опасности: на ней обсуждался не стереотип и не «говядина», а живой писатель, оставшийся сложным, во многом непонятым, противоречивым. Поэтому живо прошла и встреча, не предлагавшая готовых решений, а давшая почву для формулировки новых вопросов и начавшая вокруг них спор.

Жуза Хетени из Будапешта не только показала, насколько искусно повесть «Наводнение» сложена из различных мифологических мотивов, но и заставила задуматься о том, чему должен был служить «новый миф», создававшийся в 1929 году — году сталинской революции и печально знаменитой кампании против Пильняка и Замятина.

Новый свет на ту же кампанию бросил Александр Галушкин из Москвы, опубликовавший в России многие замятинские тексты и работающий над биографией писателя: обнаруженные им архивные документы раскрывают роль, которую в организации травли играла не РАПП, как принято было думать, а ФОСП, федерация писательских союзов. Таким образом, иначе, чем раньше, видится и весь процесс «сплочения» писателей в единый Союз.

Райнер Гольдт из Майнца, автор выходящей на днях из печати большой диссертации о Замятине, поделился наблюдениями об открытом им неизвестном сценарии — в этом сценарии, вполне шаблонном рассказе о забастовке ан-

лийских шахтеров (написанном до отъезда из СССР), писатель как будто отвечает на «социальный заказ». Пытался ли он приспособиться к новой ситуации — и нужно ли считать легендой его презрение к компромиссам?

Во всяком случае, легендой может оказаться та страсть Замятина к революции, о которой сам он любил говорить. Марина Любимова из Петербурга, подготовившая к печати сборник его переписки с женой (он должен выйти в свет в начале 1996 года), выразила мнение, что писатель вошел в контакт с большевиками не столько из идейных, сколько из личных побуждений, помогая сестре своей невесты.

Более сложными, и во всяком случае более трудными, чем казалось до сих пор, были отношения писателя с властью и в послереволюционное время: документы об арестах Замятина в 1919-м и 1922-м годах (гораздо более полные и точные, чем опубликованное недавно дело писателя) зачитал Григорий Файман из Москвы, по-новому представив эпизод высылки из Советской России группы деятелей культуры.

Жорж Нива (Женева) мастерски прокомментировал записные книжки Замятина, печатавшиеся в «Новом журнале»; и снова возникли вопросы — об отношении писателя к эмигрантской жизни, о поисках им нового видения и стиля, о связи этого стиля с тенденциями в русской зарубежной литературе. О попытках Замятина участвовать в западной культурной жизни и о том, как трудно было ему найти себе место во Франции,

рассказал нижеподписавшийся, собравший материалы о постановке «Влдох», «которая намечалась в Париже и была осуществлена в Брюсселе в конце 1932 года.

Татьяна Давыдова из Москвы, сделав обзор «антижанров» у Замятина, заострила вопрос о жанровой природе его творчества на фоне модернистской прозы — и особенно на фоне того, что сам Замятин называл «несреализмом». После этого многие докладчики — Ж.Нива, Р.Гольдт, Л.Геллер — касались темы эволюции замятинского творчества. Новые библиографические данные представили Р.Гольдт, А.Галушкин, Ж.Хетени, Л.Геллер; было зачитано сообщение Джеммы Галло из Турина о замятиноведении в Италии.

Итак, сравнительно небольшая конференция оказалась не только живой, но и чрезвычайно плодотворной: были заново поставлены многие проблемы, раскрыты факты из биографии и исторического контекста, прочитаны по-новому известные и обнаружены неизвестные тексты писателя. Организаторы конференции будут готовить публикацию ее трудов: сборник обещает быть интересным.

Первая замятинская встреча в Лозанне совпала с возвращением писателя в Россию. Хочется надеяться, что нынешняя встреча обозначит его возвращение в центр внимания исследователей русской литературы.

ЛЕОНИД ГЕЛЛЕР

Лозанна

В одном из ближайших номеров мы опубликуем исследование Григория Файмана «Замятин, Лубянка и высылка интеллигенции», которое легло в основу его доклада на симпозиуме в Лозанне.